

ложений, как это обычно делается, но также и текстов, что уже само по себе дает иной набор пресуппозиций.

При описанном подходе к социолингвистической проблематике естественно возникает вопрос о том, в какую преимущественную сторону следует направлять внимание ученого при поисках следов взаимодействия лингвистических и социальных факторов. Поскольку, как было принято, предметом социолингвистики остается язык, поскольку именно на нем, на его структуре, а также — что чрезвычайно важно! — на процессе его функционирования и на динамике его исторических изменений должно быть сосредоточено внимание исследователя также и тогда, когда изучение языка производится со специфическим акцентом на его социальный контекст. Инверсия зависимостей привела бы к созданию особой дисциплины, наиболее подходящим названием которой было — лингвосоциология³².

Все сказанное выше уместно заключить, казалось бы, очевидной, но не всегда принимаемой констатацией, что изучение языка описанным образом есть всего лишь один из возможных аспектов изучения языка, который и составляет содержание одной из многих лингвистических дисциплин — социолингвистики, и что универсализация этого подхода, как это, в частности, показал опыт «нового учения» о языке, может привести к катастрофическим последствиям для языкознания.

³² Близкую к этому констатацию можно найти в определении задач социолингвистики, которое дается в «Тезисах к марксистской социолингвистике», составленных Р. Гроссе и А. Нойбертом. Они пишут: «Социолингвистика исследует взаимоотношения между языком и обществом и притом с лингвистической точки зрения, в то время как социология языка (или лингвосоциология. — В. З.) своим исходным пунктом избирает социологическую постановку вопроса» (с. 3). (См. *Thesen zur Marxistischen Soziolinguistik*. — «Linguistische Arbeitsberichte». Leipzig, 1970).